

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.5>UDC 904(470):72“10/13”
LBC 63.444(2)-41Submitted: 03.06.2025
Accepted: 30.09.2025

BYZANTINE MARBLE MORTARS IN THE MATERIAL CULTURE OF MEDIEVAL TOWNS OF TAURICA

Vadim V. Maiko Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences,
Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* One of the rare categories that make up the material culture of Taurica in the second half of the 7th to the beginning of the 14th century are marble mortars made from waste in the production of marble architectural details. Despite the small number, they were noted during excavations of almost all Provincial-Byzantine cities of the peninsula. They are also widely known outside the peninsula in the material culture of the Golden Horde cities of the Sea of Azov and the Volga region. The source base of the work is all the marble mortars recorded during ground and underwater excavations in Sugdeja and the village of Novy Svet, including from closed complexes. Unfortunately, to this day they have not been published. *Methods and materials.* Standard methods of comparative morphological and stylistic analysis were used. *Analysis.* The use of the most complete source base allows for the first time to reasonably determine the leading morphological type and chronological framework of the existence of products in medieval Taurica. *Results.* The data obtained suggest that the marble mortars recorded during the excavation of the provincial-Byzantine cities of the peninsula belong to one of the most common types of products. Archaeological contexts make it possible to date the last period of use of most of them within the framework of the 12th – first half of the 13th century. The most worked products are recorded in the cultural layers of the city of the second half of the 13th and the first half of the 14th centuries.

Key words: medieval Taurica, Byzantine influence, marble mortars, chronology, morphological groups.

Citation. Maiko V.V. Byzantine Marble Mortars in the Material Culture of Medieval Towns of Taurica. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 65-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.5>

УДК 904(470):72“10/13”
ББК 63.444(2)-41Дата поступления статьи: 03.06.2025
Дата принятия статьи: 30.09.2025

ВИЗАНТИЙСКИЕ МРАМОРНЫЕ СТУПКИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ТАВРИКИ

Вадим Владиславович Майко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Одной из редких категорий, составляющих материальную культуру провинциально-византийских городов Таврики второй половины VII – начала XIV в., являются мраморные ступки, изготавливавшиеся из отходов при производстве мраморных архитектурных деталей. Несмотря на немногочисленность, отмечены они при раскопках практически всех городов полуострова. Широко известны они и за пределами Крыма в материальной культуре золотоордынских городов Приазовья и Поволжья. Источниковую базу работы составляют все мраморные ступки, зафиксированные в ходе проведения наземных и подводных исследований, происходящие в том числе из закрытых комплексов. К сожалению, до сего дня многие из них не публиковались. *Методы и материалы.* Использованы стандартные методы сравнительного морфологического и стилистического анализа. *Анализ.* Использование максимально полной источниковой базы позволяет впервые аргументированно определить ведущий морфологический тип и хронологические рамки существования изделий в средневековой Таврике. *Результаты.* Полученные данные позволяют утверждать,

что мраморные ступки, зафиксированные при раскопках провинциально-византийских городов полуострова, относятся к одному наиболее распространенному типу изделий. Археологические контексты дают возможность датировать последний период использования большей части из них в рамках XII – первой половины XIII века. Наиболее сработанные изделия зафиксированы в культурных слоях города второй половины XIII – первой половины XIV века.

Ключевые слова: средневековая Таврика, византийское влияние, мраморные ступки, хронология, морфологические группы.

Цитирование. Майко В. В. Византийские мраморные ступки в материальной культуре средневековых городов Таврики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 65–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.5>

Посвящается ТМ

Введение. При анализе материальной культуры провинциально-византийских городов всех регионов Таврики VII – середины – третьей четверти XIII в. важно учитывать наличие определенных категорий импортных предметов, являющихся раритетными, передававшимися из поколения в поколение. В данном случае речь идет не о предметах личного христианского благочестия, а о бытовых импортных крупногабаритных и долговечных вещах, представлявших большую ценность. Прежде всего, это изделия из мрамора. Фрагменты мраморных культовых столов уже стали предметом пристального изучения [19, с. 279–288].

В этой же работе мы впервые попытались собрать всю имеющуюся информацию о мраморных ступках, зафиксированных за все годы раскопок в провинциально-византийских городах полуострова.

Источниковую базу составляют 7 ступок Сугдеи, 1 Партениты, 1 Сотера, 1 Алустон, 6 Боспор, 8 Херсонес. Одна ступка во вторичном использовании найдена в генуэзской Каффе. Всего 25 изделий. Из них опубликовано меньше трети. Это ступки из Партенит [14, с. 99, рис. 8], поселения Сотера [15, с. 125, рис. 8], 3 из Боспора [2, с. 321, ил. 163, ВЛ-9.350; 18, с. 115, рис. 4; 10, с. 135, рис. 15, 3] и 3 из Херсонеса [13, с. 430, № 22, 23; 4, с. 108, рис. 12, 4]. Это, конечно же, не все мраморные сосуды Таврики. В качестве критерия при отборе был использован факт их обнаружения в археологических контекстах, от середины VII до второй половины XIII века.

К сожалению, у шести ступок (2 Сугдея, 4 Херсонес) либо нет информации об этом контексте, либо сосуд найден в качестве

подъемного материала. С конкретной постройкой или культурным слоем связаны находки 19 экземпляров.

Три фрагмента каменных ступок Боспора (раскопки 1958 г. у храма Иоанна Предтечи Е.В. Веймарна, раскоп 1964 г. на Рыночной площади Т.И. Макаровой, раскоп 1990 г. на ул. Театральная А.Б. Занкина) обнаружены в культурных горизонтах, связанных с постройками, прекратившими свое существование в третьей четверти VII века. Со слоем первой половины этого столетия связан фрагмент, найденный в заполнении рыбозасолочной цистерны ранневизантийского Боспора, раскопки А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой.

Со слоем пожара последней трети VII в. связан фрагмент из участка IV раскопа в Кооперативном переулке 1991 г. А.И. Айбабина¹. Судя по всему, со слоем этого же времени связана находка целой ступки, зафиксированной в траншее под коммуникацией, проложенной в этом же Кооперативном переулке в 1957 году. В культурном слое второй половины IX – первой половины X в. найдена ступка на поселении Сотера. Одна ступка найдена при проведении подводных работ 2002 г. в пос. Новый Свет близ Сугдеи. Она, будучи имуществом команды византийского корабля, затонула вместе с грузом в середине – второй половине XI века. В Партенитах ступка найдена в культурном слое, который датируется в широких хронологических рамках второй половины X – XII века.

В культурном слое второй половины X – конца XIII в. (квартал III Северо-восточного района, культурный слой на площади раскопа 6 Южного пригорода, хозяйственное помещение 43 квартала в юго-восточной части города, слой у Западной базилики) найдены четыре ступки Херсонеса. В синхронных го-

ризонтах, датированных, правда, до середины XIII в. (раскоп I 1965 г., раскоп III 1966 г.; раскоп VIII 2014 г. в портовой части города), найдены четыре ступки Сугдеи.

В заполнении помещения второй половины XIII – первой половины XIV в. найдена ступка в Алустоне². В культурном слое этого же времени обнаружена и ступка в генуэзской Каффе.

Таким образом, даже у тех экземпляров ступок, которые имеют археологический контекст, он очень редко свидетельствует о времени изготовления того или иного изделия. Учитывая и степень изношенности предмета, мы, в лучшем случае, можем говорить только о том, когда он вышел из употребления.

Методы. Для решения поставленных задач в работе используются методы, привлекаемые при сравнительном анализе археологических материалов. А именно: метод группирования материала в соответствии с его морфологическими и стилистическими признаками, сравнительный метод для определения круга аналогий и культурной принадлежности.

Анализ. Предваряя аналитическую часть работы, отметим, что нами не рассматриваются довольно крупные сосуды с рельефной христианской символикой, специально изготовленные для литургических действий, некоторые из которых датируются второй половиной X – XIII веком. Яркими примерами последних могут служить хорошо известные специалистам изделия из греческих монастырей Афона, Мегар, Афинского музея. Среди них и настоящие шедевры византийского и западноевропейского искусства. Все они неоднократно опубликованы [3, с. 109–110], что избавляет от повторений.

По этой же причине мы исключили из рассмотрения крупную чашу из проконесского мрамора (МЗСК КП-265), обнаруженную М.А. Фронджуло в 1969/70 гг. при раскопках фонтана, устроенного с внутренней стороны восточной стены барбакана Судакской крепости [9, с. 312]. Как известно, чаша изначально представляла собой капитель коринфского ордера, детали которой сохранились с внутренней стороны изделия, перерубленную впоследствии в дает датировать генуэзским временем.

Наиболее ранними ступками считаются конусовидные изделия разных размеров без

ручек, на ярко выраженным массивном плиточном дне. В провинциально-византийских городах и поселениях полуострова нам известна только одна подобная небольшая ступка на плиточном дне, обнаруженная при раскопках торгового поселения Партенит на южном берегу Крыма [14, с. 99, рис. 8] (рис. 1, 1). Типологически ей очень близка хорошо известная специалистам вотивная небольшая чаша (периррантерий) с выступами-ручками и посвятительной надписью из Горгиппии, аргументировано датирующаяся последней четвертью II – началом III в. [6, с. 167, рис. 1]. Наибольшая по численности коллекция этих ступок известна в музее под открытым небом на острове Проконнес [31, р. 14, fig. 2].

С древностями эллинистического и римского времени связаны и глубокие ступки оvoidной формы, у которых диаметр венчика несколько меньше максимального диаметра плечей, расположенных непосредственно под венчиком. Несмотря на то что они, по мнению греческих специалистов, могут датироваться средне- и поздневизантийским временем, включая и поствизантийский период [21, р. 359, № 420, 421], в крымских провинциально-византийских городах и поселениях они неизвестны. Прекрасный образец подобной ступки обнаружен на территории городища скифского времени Лагутник и соответственно, при отсутствии материалов более позднего времени, датируется скифской эпохой [11, с. 342, рис. 3]. Ярким примером чрезвычайно длительного их использования и транспортировки из Таврики в Приазовье является сосуд из Азака [11, с. 343, рис. 4], последний период использования которого приходится на первую половину XIV века.

Остальные ступки, составляющие в Крыму подавляющее большинство, согласно многочисленным закрытым комплексам и комплексам, имеющим точные хронологические рамки бытования, датируются концом V – серединой VII века. В данном случае речь идет о времени их изготовления. Все сосуды можно разделить на несколько морфологических вариантов.

Первый вариант представлен приземистыми небольшими сосудами, но с ярко выраженными ручками-выступами. Они имеют полусферическое или конусовидное очертание туловища. Во втором случае дно достаточно

широкое. Хорошее представление об этих ступках дают полностью сохранившиеся изделия из Музея византийской культуры Фессалоник [21, р. 358, № 418, 419; 32, р. 20, fig. 1, 2], так же, как и представительная коллекция, происходящая из раскопок Тира в Ливане [27, р. 216, fig. 16, 1–3]. Иногда высота очень массивных выступов-ручек превышает половину высоты самого изделия [32, р. 21, fig. 3, 4].

Среди этих ступок есть довольно большая группа сосудов с христианской символикой и надписями, которые уверенно, на основании археологического материала, в том числе материалов кораблекрушений, датируются в рамках конца V – середины VII в. [32, р. 22–23, fig. 7–10; 35, σ. 225, εικ. 4]. Они достаточно подробно рассмотрены Л.А. Голофаст, что избавляет от повторений. Исследовательница, рассматривая фрагмент подобной полусферической ступки второй четверти VI в. из археологических исследований Фанагории [5, с. 81, рис. 3, 1, 2], справедливо указала на то, что чаши этого круга, прежде всего с вырезанными христианскими символами, известны только по раскопкам в римских провинциях Мезия, Секунда и Фракия [5, с. 80–83]. Тщательно проанализированные находки из поселенческих, городских и монастырских комплексов на территории южной Болгарии [28, р. 133–134], Румынии [29, р. 58–59, nos. 60, 61], Палестины [23, р. 237, fig. 16, 2] и Греции [22, р. 123, pls. 60, 61, nos. 827–829] позволяют уверенно датировать время их производства не позднее середины VII в., что не исключает использование ступок и в более поздний период.

В одной из наиболее представительных коллекций мраморных ступок, происходящих из археологических исследований на острове Кос в Греции, так же широко представлены варианты этих же ступок, датируемых V–VI вв., но не с христианской, а с различной простейшей геометрической орнаментацией выступов-ручек [30, р. 163, № 14, 18; р. 164, № 19, 20, 22, 23; 31, р. 17, fig. 5; р. 18, fig. 6]. Близость орнаментальных сюжетов и морфология изделий подразумевают производство их в одной и той же мастерской. Причем совершенно аргументированно ставится вопрос о вполне возможном импорте из Поконнеса заготовок ступ и их окончательной обработке, и

орнаментации на Коце [31, р. 9–30]. В Таврике единственная целая ступка с выступами, орнаментированными по диагонали тремя параллельными линиями, обнаружена в Керчи в Кооперативном переулке при прокладке траншеи под коммуникации в 1957 г. (рис. 2, 3).

Хорошим основанием для датировки ступок с христианской символикой и геометрической орнаментацией являются материалы раскопок, проведенных в Шикмоне в окрестностях Хайфы в 1994 г. [20, р. 159, fig. 8, 1]. Здесь в комплексах, надежно датированных археологическим материалом, помимо неглубоких небольших ступок, служивших для литургических целей и которые трудно использовать при решении производственных задач, выделен синхронный *второй вариант* более массивных и значительно более глубоких ступок, имеющих широкие и не высокие боковые ручки, расположенные сразу под венчиком [20, р. 159, fig. 8, 3]. В качестве прототипов этих ручек логично рассматривать ручки в виде хвоста змеи, известных на античных периррантериях [35, σ. 223, εικ. 1, 3α, 3β]. Представительная коллекция ступок второго варианта происходит также из археологических исследований территории Спарты [35, σ. 228, εικ. 8, 11, 15]. Типологически близкая мраморная ступка была обнаружена и в апсиде христианского храма в византийском монастыре близ деревни Аль-Джамама к западу от югоизраильского города Рухама [24, р. 106, fig. 16, b]. Тем не менее их использование исключительно в литургических целях можно поставить под сомнение.

Именно к этой группе можно отнести фрагмент ступки из засыпи рыбозасолочной цистерны на Боспоре [2, с. 321, ил. 163, ВП-9.350], Херсонесский фрагмент из коллекции ГИМа (ГИМ 82658/1927 Оп. Б 848/1927), изделие из раскопа 6 Южного пригорода Херсонеса [4, с. 108, рис. 12, 4] с подобными, но очень короткими подовальными ручками и морфологически близкую ступку из Сотеры (рис. 1, 3) [15, с. 125, рис. 8]³.

Подавляющее большинство анализируемых в данной работе ступок принадлежит условно выделенному *третьему варианту*. Это плоскодонные, зауженные к основанию изделия с утолщенными стенками и дном, горизонтально срезанным к основанию. Главное

отличие от ступок первого варианта заключается в глубине и массивности изделий, а от второго – в морфологии выступов. В зависимости от высоты и характера придонной части ступки имеют ярко выраженную конусовидную или полусферическую форму. Венчик горизонтально срезан, уплощен, внутренний и внешний края заглажены. Внешняя поверхность отшлифована, иногда доведена до блекса, внутренняя носит следы глубой обработки и следы воздействия каменного инструмента в виде радиально расположенных бороздок.

Характерным отличием является и то, что высота полукруглых выступов составляет, чаще всего, половину высоты изделия, а их максимальная ширина в большинстве случаев не превышает 5 см. Стандартные размеры ступок этой группы составляют от 12 до 15 см высоты и примерно 17–20 см диаметра. Диаметр дна часто близок к высоте. Толщина стенки у них не превышает 3 см. Прекрасный образец подобной ступки известен и в Музее византийской культуры Фессалоник [21, р. 359, № 421]. Там же присутствует и другой экземпляр подобной ступки [32, р. 22, fig. 5, 6], который, на наш взгляд, ошибочно датирован ранневизантийским временем. Выделены подобные ступки и в материалах раскопок на территории Спарты [35, σ. 228, εικ. 8, 10], и на территории острова Кос [34, σ. [221], εικ. 499β, 499γ].

Еще раз отметим, что ступки этого варианта морфологически разнообразны, что не в последнюю очередь связано с их функциональным назначением. Выделяется два миниатюрных высоких изделия на узком дне, имеющие ярко выраженные конусовидные черты. Это Херсонесское изделие из раскопок 1928 г. К.Э. Гриневича в Западном районе около «Западной базилики» [13, с. 430, № 23; 33, р. 306, № 382] и несколько больший сосудик, найденный в Алустоне в 1988 г. на раскопе 5 практически на полу помещения 65 второй половины XIII – первой половины XIV в. у кладки 198 (рис. 1, 2) [12, рис. 122]. Важно отметить, что в комплекс этого же помещения входил и массивный бронзовый пест [12, рис. 123, Ал-88 № 412]. Поскольку использование таких маленьких ступок в утилитарных целях затруднительно, не исключено, что это литургические христианские предметы. От-

метим и отсутствие следов «сработанности» дна. Близка к этому варианту и немножко большая по размерам ступка, но с более округлым очертанием туловища, найденная на раскопе VIII в портовой части Сугдеи (рис. 3, 1). По центру венчика она украшена углубленной полосой, переходящей на выступах-ручках в завитки. Ее дно так же не имеет заметных следов воздействия растирающим инструментом. Типологически очень близкий этой сугдейской ступке сосуд с небольшими выступами-ручками был найден при раскопках цистерны города Тира в Ливане [27, р. 216, fig. 16, 4]. Археологический контекст этой находки не позволяет датировать ее узкими хронологическими рамками.

Подавляющее большинство ступок больше по размерам и имеют более или менее выраженные конусовидные или полусферические очертания туловища. Все они имеют полукруглые ручки, нижний прилеп которых расположен примерно на половине высоты сосуда. Днища практически всех ступок носят сильные следы сработанности, очень часто они протерты до дыр, приводивших в конечном итоге к разлому сосудов на две половинки. Логично, что именно их и находят в различных археологических контекстах. Таковы пять ступок из Херсонеса, происходящие из раскопок 1911 г. Р.Х. Лёпера в квартале III Северо-восточного района [13, с. 430, № 22], из раскопок 1963 г. в северо-западной части квартала юго-восточной части Херсонесского городища в заполнении хозяйственного помещения 43, составлявшего большое здание, которое входило в состав крупной усадьбы [17, с. 23], и три из коллекции ГИМа (ГИМ 82091/3303 Оп. Б 823/3303; 101343/538 Оп. Б 1596/453; 33426/130 Оп. Б 121/56). Фрагмент ступки рассматриваемой нами группы найден в Пантиканее в раскопе на ул. Театральная в 1990 г. в горизонтах позднесредневекового времени [18, с. 115, рис. 4] (рис. 2, 4). Половина интересующей нас ступки (ФМД 32/43, А-631) происходит из раскопок 1951 г. экспедиции Института археологии АН СССР под руководством И.Б. Зеест на Канаргинской горке в Каффе возле крупного здания генуэзского времени конца XIII – XIV в. [7, с. 143–148]. К этой же группе относятся и четыре ступки из Сугдеи, три из которых найдены на площади раскопа I 1965 г. (рис. 3, 2) и раскопа III

1966 г. (рис. 4, 1, 2) в портовой части города, а четвертая (рис. 4, 3) – происходит из подъемного материала.

Выделяются своими размерами ступки, диаметр венчика которых достигает 30 см. По всем остальным параметрам они схожи с рассматриваемым вариантом мраморных изделий. Таковы верхняя часть ступки из подъемного материала Сугдеи, раскололшаяся на две половины, не по вертикальной, а по горизонтальной трещине (рис. 5, 2), фрагмент ступки с граффити в виде греческой буквы из заполнения помещения, сложенного на известти с мощеным полом из раскопок 1964 г. на Рыночной площади в Керчи [9, с. 135, рис. 15, 3], Боспорский фрагмент, происходящий из западной части шурфа 1 раскопок храма Иоанна Предтечи 1958 г. (рис. 2, 1), и фрагмент из слоя пожара на площади раскопа 1991 г. в коперативном переулке (рис. 2, 2).

Половина каменной ступки [8, с. 105, рис. 65] (рис. 5, 1) была найдена при проведении подводных исследований в бухте пос. Новый Свет в шурфе 5 на участке 1, в 125 м от места постановки рыбакских сетей, на расстоянии 80 м от берега, примерно там, где локализуется большая часть находок, связанных с кораблекрушением середины – второй половины XI века. В отличие от остальных ступок она имеет не выступы-ручки, а пятигранные выступы, сечение которых одинаково по всей длине. На стенке и на дне имеются едва различимые процарапанные граффити в виде греческих букв.

Типологически близкий экземпляр этой уникальной пока для Таврики ступки известен только среди материалов раскопок на острове Кос в Греции [34, с. [221], εικ. 499α]. У этого сосуда нижний прилеп, сходящий на нет, расположен в придонной части.

За пределами полуострова наибольшая коллекция мраморных ступок известна в Азаке. Она практически полностью опубликована [11, с. 334–350]. Последний период использования предметов приходится здесь на первую и вторую половину XIV века. Учитывая морфологические особенности самих сосудов, форму выступов-ручек и их нижнего прилева, А.Н. Масловский делит все Азакские ступки на два типа [11, с. 335–336]. При этом, на наш взгляд, наличие или отсутствие желобка-сли-

ва не может служить критерием для типологического членения. Это обязательный элемент подобных изделий, а его отсутствие связано с плохой сохранностью некоторых из них. Для нас важно, что и в Азаке, как и в провинциально-византийских объектах Таврики, особенно второй половины XIII в., преобладают ступки третьего варианта [11, с. 341–350, рис. 5–9], в том числе небольшой сосуд с очень ярко выраженнымами выступами-ручками, придающими ему квадратные очертания [11, с. 339, рис. 1, 3]. Выделим и фрагмент от крупной ступки этой группы [11, с. 346, рис. 7], высота которой составляет более 18 см с диаметром венчика около 30 см и толщиной стенки до 4,7 см. Можно полностью согласиться с выводом исследователя о поступлении ступок в Азак из Крыма в качестве реэкспорта [11, с. 338].

Анализируемый нами вариант ступок представлен и экземпляром из фондов Национального заповедника «София Киевская» [3, с. 110, рис. 1, 1, 2], который, по мнению авторов, мог использоваться и в XI веке. Широкое распространение подобных изделий на территории Древней Руси неоднократно отмечалось специалистами [16, с. 136].

Историография вопроса о функциональном назначении мраморных сосудов достаточно подробно рассмотрена в литературе [5, с. 80–83; 28, р. 133–134; 31, р. 13–14], что избавляет от повторений. Анализ следов и остатков на стенках ступ, сработанность днищ свидетельствуют в пользу утилитарного использования большой их части [25, р. 530; 32, р. 18–19]. Вместе с тем существуют чаши с христианской символикой и посвятительными надписями, безусловно, изготовленные для литургических действий [30, р. 164, № 24]. Не исключено, что многие ступки были многофункциональными.

Историография вопроса о месте их производства неоднократно становилась предметом дискуссии. Она совсем недавно емко рассмотрена Э.А. Хайдиновой [19, с. 279], что избавляет от повторений. На основании анализов, проведенных с помощью электронной микроскопии [26, р. 1150], можно утверждать, что большая их часть происходит из одного производственного центра, располагавшегося вблизи мраморных карьеров Восточного Сре-

диземноморья [25, р. 529–530]. Импорт же их в Таврику, как и в другие провинциально-византийские города Причерноморья, происходил из западной части Малой Азии и Греции.

Традиционно считается, что мраморные ступы, как и большая часть простейших мраморных столов, производилась из мрамора, оставшегося после изготовления мраморных архитектурных деталей, в частности колонн и их капителей. Массовое прекращение изготовления последних связано с началом арабских походов и захватом территории Малой Азии не позже VIII в. [19, с. 281]. Но прекратилось ли вырезание ступок, сказать сложно. Предположить их производство без христианской символики непосредственно из мраморного «сырья», а не отходов от вырезания архитектурных деталей, можно, и вряд ли арабская администрация препятствовала бы этому. Но это, скорее, постановка вопроса, а не готовое решение.

Результаты. Подводя некоторые итоги, надо признать, что подавляющее большинство мраморных ступок Таврики представлено сосудами одного варианта, которые и в других регионах византийского мира, Греции, на Балканах и особенно в Сиро-Палестинском регионе [25, р. 528] встречены в археологических комплексах второй половины

X – первой половины XIV века. Даже то небольшое количество ступок Таврики, которое, очевидно, изначально было изготовлено для христианской литургии, найдено не при раскопках храмов. Исходя из функционального назначения и долговечности, попытка на основании морфологических черт выступов-ручек или общей морфологии сосудов выделить хронологические группы вряд ли может пока увенчаться успехом. По крайней мере, на сегодняшний день нет возможности говорить о том, какими путями та или иная ступка попадала на полуостров и какое время использовалась. Необходима дальнейшая систематизация и накопление данных, что мы и попытались сделать относительно средневековой Таврики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выражаю глубокую признательность А.И. Айбабину за возможность использовать неопубликованный материал из раскопок.

² Выражаю глубокую признательность В.Л. Мычу за возможность использования неопубликованного материала из раскопок.

³ В публикации Е.А. Паршиной она ошибочно реконструирована с тремя ручками. На самом деле четвертая ручка отбита в древности.

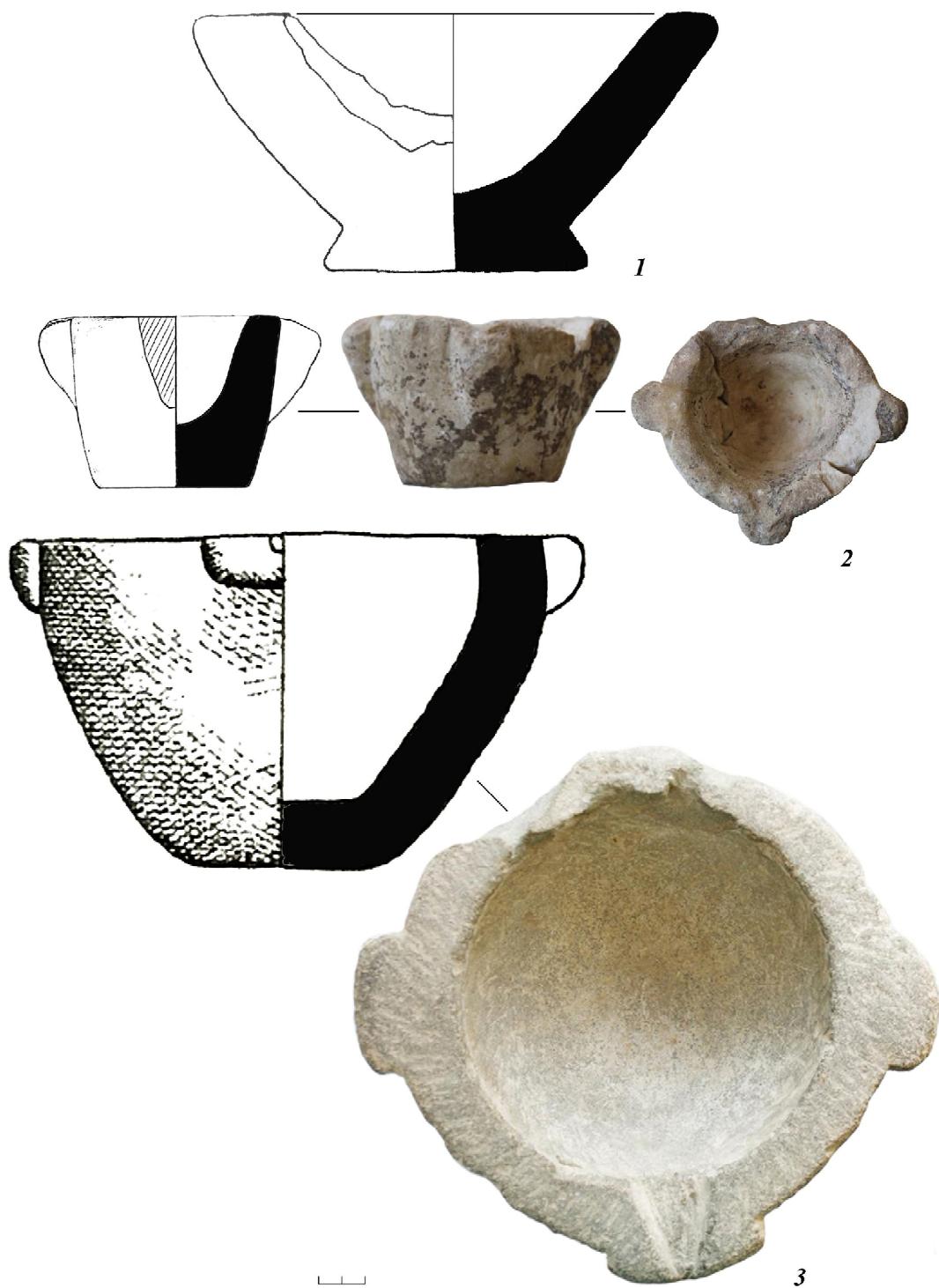

Рис. 1. Византийские мраморные ступки крымского южнобережья:
1 – Партениты [14, с. 99, рис. 8]; 2 – Алустон, 1988 г., раскоп 5, помещение 65 [12, рис. 122]; 3 – поселение Сотера

Fig. 1. Byzantine marble mortars of the Southern Coast of Crimea:
1 – Partenit [14, p. 99, fig. 8]; 2 – Aluston, 1988, excavation 5, room 65 [12, fig. 122]; 3 – Sotera settlement

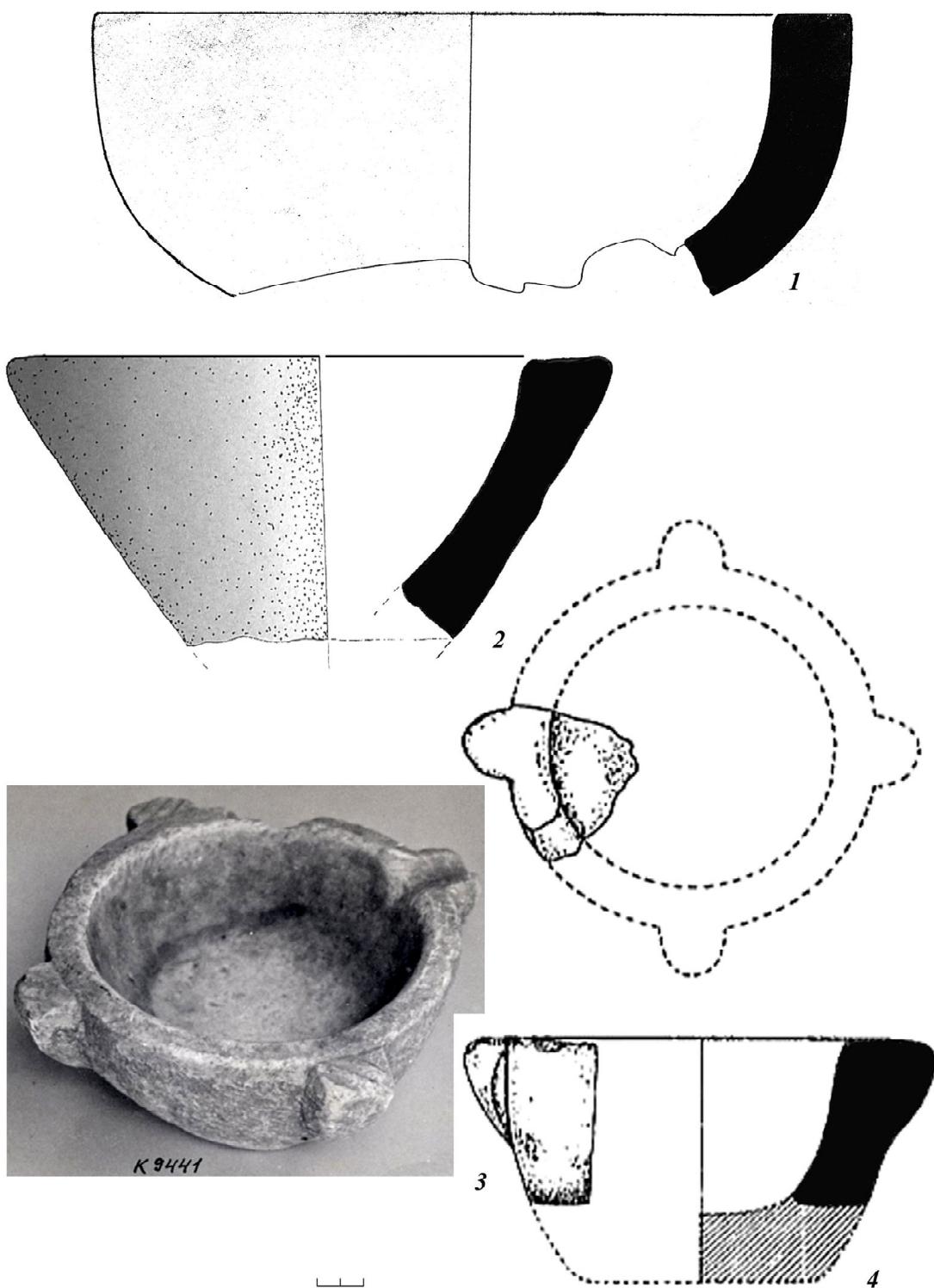

Рис. 2. Византийские мраморные ступки Боспора:

1 – Храм Иоанна Предтечи, западная часть шурфа I, 1958 г., штык 8; 2 – Кооперативный переулок, 1991 г. [1, рис. 154];
3 – Кооперативный переулок, 1957 г.; 4 – ул. Театральная, 1990 г. [18, с. 115, рис. 4]

Fig. 2. Byzantine marble mortars of the Bosporus:

1 – Temple of John the Baptist, western part of the pit I, 1958, bayonet 8; 2 – Kooperativny Lane, 1991 [1, fig. 154];
3 – Kooperativny Lane, 1957; 4 – Teatralnaya St, 1990 [18, p. 115, fig. 4]

Рис. 3. Византийские мраморные ступки Сугдеи:

1 – портовая часть, раскоп VIII, 2014 г. (МЗСК КП-323); 2 – портовая часть, раскоп I, 1965 г., слой середины – второй половины XIII в. (МЗСК КП-1012/6)

Fig. 3. Byzantine marble mortars of Sugdeia:

1 – port part, excavation VIII, 2014; 2 – port part, excavation I, 1965, layer of the middle – second half of the 13th century

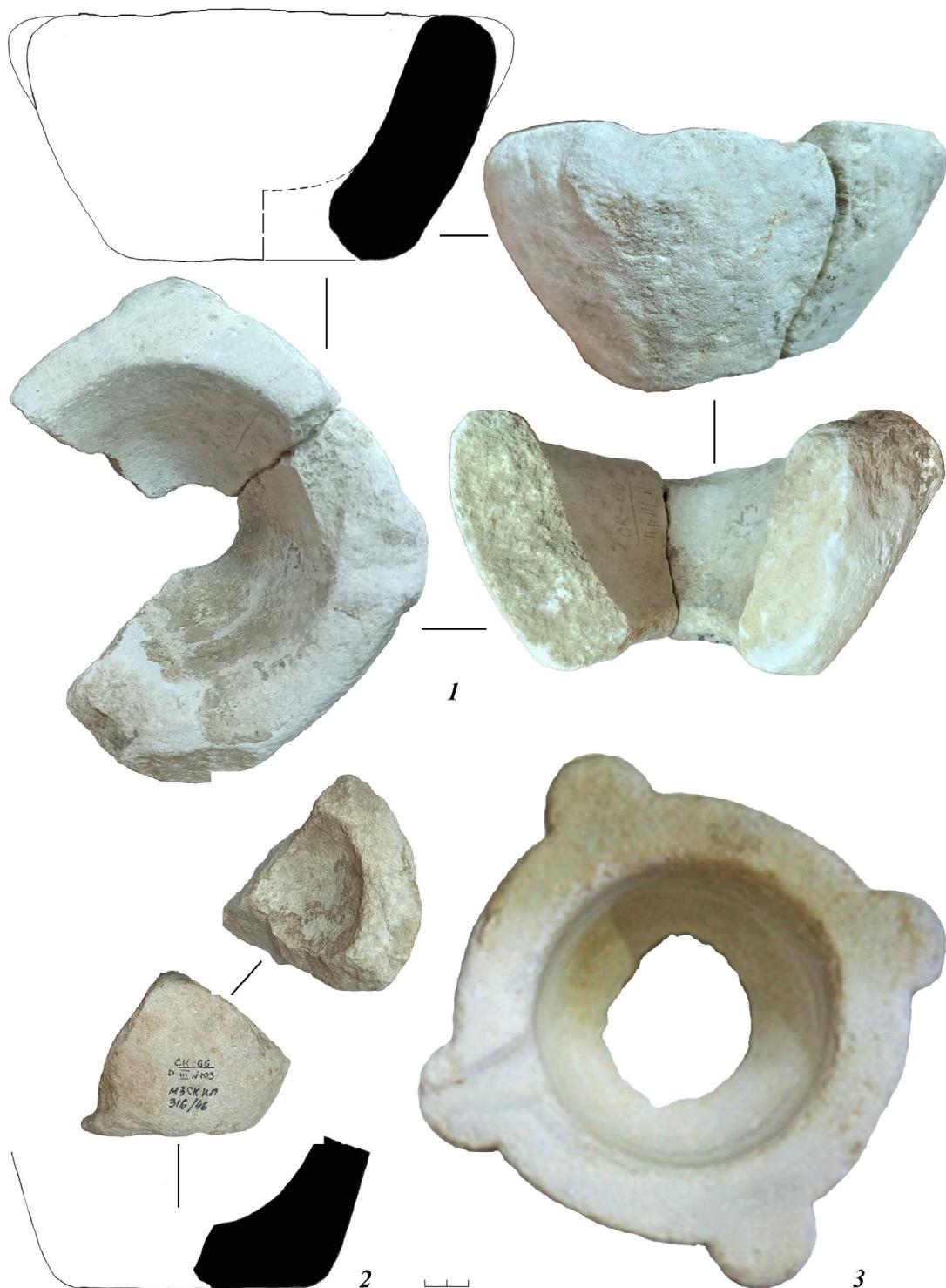

Рис. 4. Византийские мраморные ступки Сугдеи:

1, 2 – портовая часть, раскоп III, 1966 г., слой середины – второй половины XIII в. (МЗСК КП-316/142);
3 – подъемный материал (МЗСК КП-176)

Fig. 4. Byzantine marble mortars of Sugdei:

1, 2 – port part, excavation III, 1966, layer of the middle – second half of 13th century; 3 – lifting material

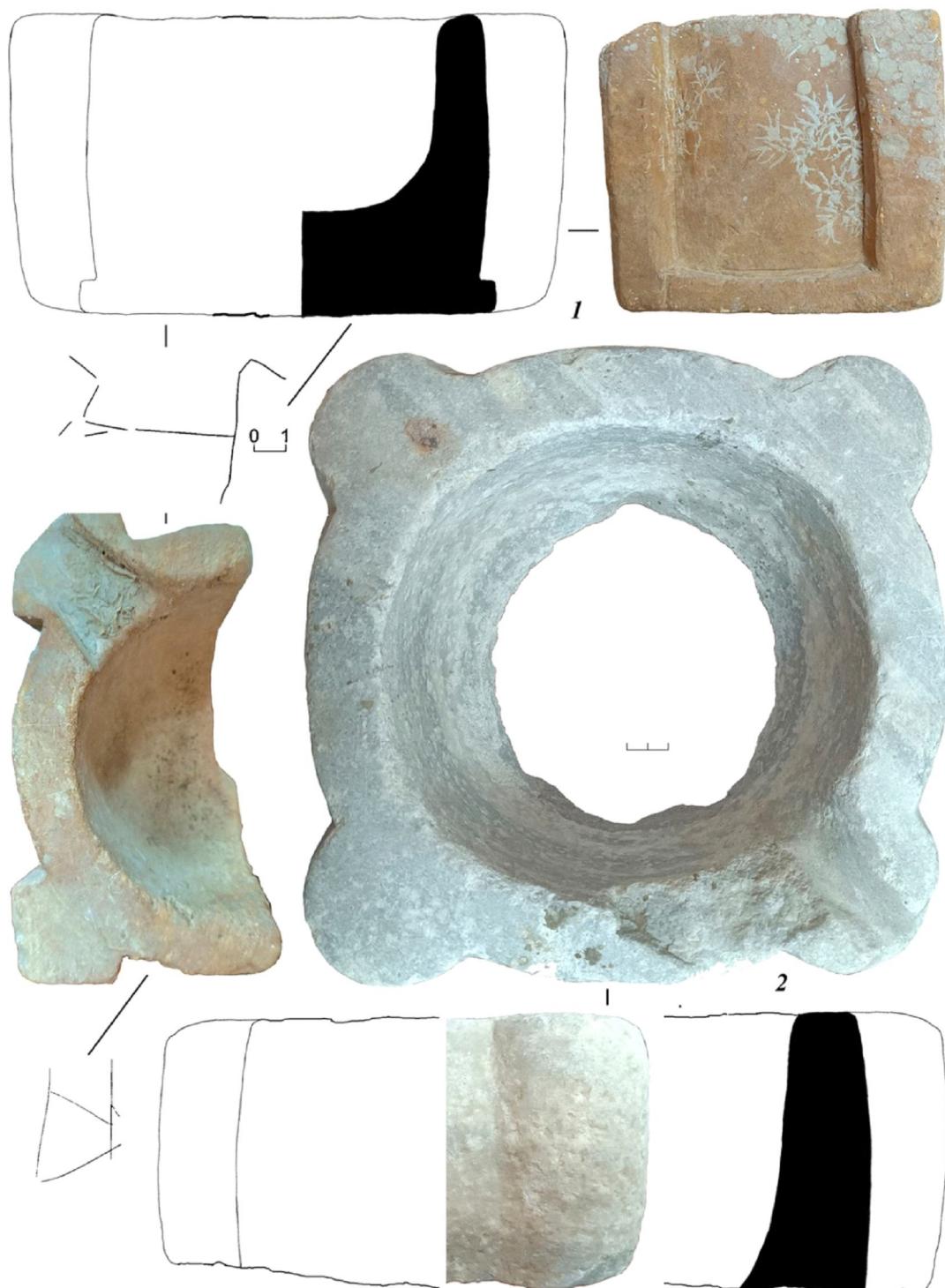

Рис. 5. Византийские мраморные ступки Сугдеи:

1 – Новый Свет, 2002 г., участок 1, шурф 5 (МЗСК КП-753); 2 – подъемный материал (МЗСК КП-293)

Fig. 5. Byzantine marble mortars of Sugdeja:

1 – Novy Svet, 2002, area 1, pit 5; 2 – lifting material

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Отчет о раскопках средневекового Боспора в 1991 г. // Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Ф. Е. 24669. № 1991/120. 268 с.
2. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., Смокотина А. В., Завадская И. А. Рыбозасолочный комплекс византийского Боспора (по материалам раскопок 2007–2009 гг. в Босфорском переулке). Т. 2. Каталог. Симферополь: ООО «Антиква», 2024. 496 с.
3. Архипов А. А., Архипова Е. И. Мраморная ступка из коллекции Национального заповедника «София Киевская» // Российская археология. 2005. № 1. С. 109–111.
4. Власов В. П., Ушаков С. В., Турова Н. П. Археологические исследования на раскопе 6 // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН: (охранная археология). 2024. № 15. С. 101–140. DOI: 10.31600/978-5-6050962-6-9-2023-101-140
5. Голофасти Л. А. Христианство в Фанагории. Археологические свидетельства // Hypanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. 2022. Т. 4. С. 69–106.
6. Завойкина Н. В., Новичихин А. М. Мраморные чаши с надписями из Горгиппии // Древности Боспора. 2021. Вып. 26. С. 166–177.
7. Зеест И. Б. Раскопки Феодосии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. Вып. 51. С. 143–148.
8. Зеленко С. М. Отчет о работе подводной археологической экспедиции на шельфе бухты пгт Новый Свет (Судакский р-н, Крым) в 2002 году // Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Ф. Э. № 27410. 2002/90. 133 с.
9. Maiko B. V., Djanov A. B. Archeological remains of the Sudačskiy region of the Republic of Crimea. Simferopol: Arial, 2015. 448 p.
10. Makarova T. I. Bospor-Korčev po arheologicheskim dannym // Byzantijeskaya Tavrika. Kiev: Naukova dumka, 1991. C. 121–146.
11. Maslovskiy A. N. Mramornye stupki iz fonдов Azovskogo muzeya-zapovednika // Istoriko-arkeologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2010 g. 2012. Вып. 26. С. 334–350.
12. Myz V. L. Otchet i polевые materialy ob arkeologicheskikh issledovaniyah srednevекovoy kreposti Aluston v 1988 g. // Nauchnyj arkhiv Instituta arkeologii Kryma RAN. F. O-1. Op. 1. D. 2073. 168 c.
13. Nasledie vizantijskogo Xersona / sost. T. Yašaeva, E. Denisova, N. Ginykut [i dr.]. Sevastopol'; Ostin: Teleskop; Inst-t klassicheskoy arkeologii, 2011. 704 c.
14. Paršina E. A. Drevnij Partenit (po materialam raskopok 1985–1988 gg.) // Alushta i Alush-
- tin'skiy region s drevnejshix времен do naših dnj. Kiev: Stilos, 2002. C. 89–109.
15. Paršina E. A. Sredneveskoye poselenie v uročicse Coteria // Alushta i Alushkinskiy region s drevnejshix времен do naših dnj. Kiev: Stilos, 2002. C. 117–131.
16. Pućko B. G. Byzantijeskij hudožestvennyj import v drevnjem Kyjeve // Slavia Antiqua. 1983. T. XXIX. C. 136–140.
17. Svodnyj otchet o raskopkakh v Xersonese Ob'edinennoj ekspedicii v 1963–1964 gg. // Antichnaya drevnost' i srednie veka. 1971. Vypl. 7. C. 7–61.
18. Strokova L. B. Marmurova stupka V–VI st. z Kerči // Ukrainskiy muzej. Zbirka naukovix praci. Kyiv: Vid-bo Kyivs'kogo Univerzitetu, 2003. C. 114–116.
19. Hairedinova E. A. Rannewizantijskie mramornye stoly iz Bospora // XEPΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperija i polis: sb. nauč. tr. XVII Meždunar. Vizantijskogo Seminara. Simferopol': Arial, 2025. C. 279–288.
20. Amir R. Pottery, Stone and Small Finds from Shiqmona // 'Atiqot. 2006. Vol. 51. P. 145–161.
21. Byzantine Hours. Works and Days in Byzantium. Everyday Life in Byzantium / ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens: Hellenic Ministry of Culture, 2002. 599 p.
22. Davidson G. R. The Minor Objects (Corinth. Results of Excavations XII). Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1952. 383 p.
23. Fischer M., Taxel I. Ancient Yavneh. Its History and Archaeology // Journal of the Institute of Archaeology of Tel Aviv University. 2007. № 34/2. P. 204–284.
24. Gophna R., Feig N. A Byzantine Monastery at Kh. Jemameh // 'Atiqot. 1993. Vol. XXII. P. 97–108.
25. Gwiazda M. Marble Vessels from Jiyeh (Porphyreon) // Polish Archaeology in the Mediterranean. 2014. Vol. 23/1. P. 527–542.
26. Gwiazda M., Bojanowski M. J., Mandera S., Wielgosz-Rondolino D. Archaeometric Provenance Study of Marbles from Porphyreon and Chhim (Lebanon) and Early Byzantine Production Specialization // Archaeometry. 2025. Vol. 67, iss. 5. P. 1129–1156.
27. Kahwagi-Janho H. Byzantine Marble Fragments Rediscovered in a Tyre Cistern // Polish Archaeology in the Mediterranean. 2023. Vol. 32/1 (Marble in the Early Byzantine Eastern Mediterranean: Use, Aesthetics, and Social Significance). P. 197–223.
28. Minchev A. A Lost Early Christian Rite in the Eastern Church: Terracotta Fonts for Consecrated Water from Moesia Secunda and Scythia // Klenina E. Ju., ed. Sacrum et profanum. Poznan: Instytut Historii UAM, 2018. P. 125–143. (Novae. Studies and Materials; VI).

29. Popescu E. Inscriptiile din secolele IV–XIII descoperite în România. Bucureşti, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1976. 438 p.
30. Poupani E. Early Byzantine Marble Vases from Kos Island, Dodecanese, Greece // 'Ev Σοφία μαθητένσαντες: Essays in Byzantine Material Culture and Society in Honour of S. Kalopissi-Verti / eds. Ch. Diamanti, A. Vassiliou. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2019. P. 157–170.
31. Poupani E. Early Byzantine Vases Carved in Prokonesian Marble from Ancient Halasarna (Kos Island, Dodecanese, Greece) // Polish Archaeology in the Mediterranean. 2023. Vol. 32/1 (Marble in the Early Byzantine Eastern Mediterranean: Use, Aesthetics, and Social Significance). P. 9–30.
32. Tzitzibasi A. Marble Bowls for Everyday Use // Museum of Byzantine Culture. 2000. T. 7. P. 18–29.
33. Yashayeva T. Die Katalogbeschreibungen // Byzanz. Pracht und Alltag. Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, Bonn 26. Februar bis 13. Juni 2010: Katalog. Bonn: Hirmer, 2010. P. 306, Nr. 382.
34. Попакη Е. Κοακοί λίθοι και κωακή λιθοξοΐα. Η χρήση των λίθων της Κω στην αρχιτεκτονική, γλυπτική και κατασκευή επιτύμβιων, ενεπίγραφων μνημείων και τέχνεργων. Αρχαική – παλαιοχριστιανική περίοδος. Η σημασία της για την οικονομία του νησιού: διδακτ. διατριβή. Τ. Γ'. Αθήνα, 2011. [263] σ. εικ., χάρτ., σχέδ.
35. Попакη Е. Μαρμάρινα και άλλα λίθινα αγγεία από τη Σπάρτη // Athens University Review of Archaeology. 2019. T. 2. Σ. 219–244.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Otchet o raskopakh srednevekovogo Bospora v 1991 g. [Report on the Excavation of the Medieval Bosphorus in 1991]. Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Natsionalnoy akademii nauk Ukrayiny [Scientific Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine], F. E. 24669, no. 1991/120. 268 p.
2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A., Smokotina A.V., Zavadskaya I.A. Rybozasolochnyy kompleks vizantiyskogo Bospora (po materialam raskopok 2007–2009 gg. v Bosforskoy pereulke). T. 2. Katalog [Fish-Salting Complex of the Byzantine Bosphorus (Based on Excavations in 2007–2009 in Bosphorus Lane). Volume 2. Catalog]. Simferopol, Antikva Publ., 2024. 496 p.
3. Arkhipov A.A., Arkhipova E.I. Mramornaya stupka iz kollektii Natsionalnogo zapovednika «Sofia Kievskaya» [Marble Mortar from the Collection of the National Reserve “Sofia Kievskaya”]. Rossijskaja arheologija [Russian Archaeology], 2005, no. 1, pp. 109–111.
4. Vlasov V.P., Ushakov S.V., Turova N.P. Arkheologicheskie issledovaniya na raskope 6 [Archaeological Research at the Excavation Site 6]. Byulleten Instituta istorii materialnoy kultury RAN: (okhrannaya arkheologiya) [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of RAS: (Security Archaeology)], 2024, no. 15, pp. 101–140.
5. Golofast L.A. Khristianstvo v Fanagorii. Arkheologicheskie svидетельства [Christianity in Fanagoria. Archaeological Evidence]. Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii Instituta arkheologii RAN [Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archeology of Institute of Archaeology of RAS], 2022, vol. 4, pp. 69–106.
6. Zavoykina N.V., Novichikhin A.M. Mramornye chashi s nadpisiami iz Gorgippii [Marble Bowls with Inscriptions from Gorgippia]. Drevnosti Bospora [Antiquities of Bosphorus], 2021, iss. 26, pp. 166–177.
7. Zeest I.B. Raskopki Feodosii [Excavations of Feodosia]. Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury [Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture], 1953, iss. 51, pp. 143–148.
8. Zelenko S.M. Otchet o rabote podvodnoy arkheologicheskoy ekspeditsii na shelfe bukhyt pgt Novyy Svet (Sudakskiy r-n, Krym) v 2002 godu [Report on the Work of an Underwater Archaeological Expedition on the Shelf of the Novy Svet Settlement (Sudak District, Crimea) in 2002]. Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Natsionalnoy akademii nauk Ukrayiny [Scientific Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine], F. E. no. 27410. 2002/90. 133 p.
9. Maiko V.V., Dzhanov A.V. Arkheologi-cheskie pamiatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym [Archaeological Sites of the Sudak Region of the Republic of Crimea]. Simferopol, Arial Publ., 2015. 448 p.
10. Makarova T.I. Bospor-Korchev po arkheologicheskim dannym [Bospor-Korchev According to Archaeological Data]. Vizantiyskaya Tavrika [Byzantine Taurica]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 121–146.
11. Maslovskiy A.N. Mramornye stupki iz fondov Azovskogo muzeya-zapovednika [Marble Mortars from the Funds of the Azov Museum-Reserve]. Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2010 g. [Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don in 2010], 2012, iss. 26, pp. 334–350.
12. Myts V.L. Otchet i polevye materialy ob arkheologicheskikh issledovaniakh srednevekovoy kreposti Aluston v 1988 g. [Report and Field Materials on Archaeological Research of the Medieval Fortress of Aluston in 1988]. Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAN [Scientific Archive of Institute of Archeology of Crimea of RAS], f. O-1, inv. 1, d. 2073. 168 p.

13. Iashaeva T., Denisova E., Ginkut N. et al., eds. *Nasledie vizantiyskogo Khersona* [Legacy of Byzantine Kherson]. Sevastopol; Ostin, Teleskop Publ.; In-t klassicheskoy arkheologii, 2011. 704 p.
14. Parshina E.A. Drevniy Partenit (po materialam raskopok 1985–1988 gg.) [Ancient Partenite (Adapted from 1985–1988 Excavations)]. *Alushta i Alushtinskiy region s drevneishikh vremen do nashikh dney* [Alushta and Alushta Region from Ancient Times to the Present Day]. Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 89–109.
15. Parshina E.A. Srednevekovoe poselenie v urochishche Sotera [Medieval Settlement in the Tract Sotera]. *Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [Alushta and Alushta Region from Ancient Times to the Present Day]. Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 117–131.
16. Putsko V.G. Vizantiyskiy khudozhestvennyy import v drevnem Kieve [Byzantine Artistic Import in Ancient Kyiv]. *Slavia Antiqua*, 1983, vol. XXIX, pp. 136–140.
17. Svodnyy otchet o raskopkakh v Khersonese Obedinennoy ekspeditsii v 1963–1964 gg. [Summary Report on Excavations in Chersonesos of the United Expedition in 1963–1964]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 1971, iss. 7, pp. 7–61.
18. Strokova L.V. Marmurova stupka V–VI st. z Kerchi [Marble Mortar of the 5th–6th Centuries from Kerch]. *Ukrainskii muzei. Zbirka naukovikh prats* [Ukrainian Museum. Collection of Scientific Articles]. Kiev, Vyd-vo Kyivskogo universytetu, 2003, pp. 114–116.
19. Khairedinova E.A. Rannevizantiiskie mramornye stoly iz Bospora [Early Byzantine Marble Tables from Bosphorus]. *CHERSÖNOS THEMATA: imperiya i polis: sb. nauch. tr. XVII Mezhdunar. Vizantiyskogo Seminara* [CHERSONOS THEMATA: Empire and Policy. Collection of Scientific Works of the 17th International Byzantine Seminar]. Simferopol, Arial Publ., 2025, pp. 279–288.
20. Amir R. Pottery, Stone and Small Finds from Shiqmona. *'Atiqot*, 2006, vol. 51, pp. 145–161.
21. Papanikola-Bakirtzi D., ed. *Byzantine Hours. Works and Days in Byzantium. Everyday Life in Byzantium*. Athens, Hellenic Ministry of Culture, 2002. 599 p.
22. Davidson G.R. *The Minor Objects (Corinth. Results of Excavations XII)*. Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 1952. 383 p.
23. Fischer M., Taxel I. Ancient Yavneh. Its History and Archaeology. *Journal of the Institute of Archaeology of Tel Aviv University*, 2007, no. 34/2, pp. 204–284.
24. Gophna R., Feig N. A Byzantine Monastery at Kh. Jemameh. *'Atiqot*, 1993, vol. XXII, pp. 97–108.
25. Gwiazda M. Marble Vessels from Jiyeh (Porphyreon). *Polish Archaeology in the Mediterranean*, 2014, vol. 23/1, pp. 527–542.
26. Gwiazda M., Bojanowski M.J., Mandera S., Wielgosz-Rondolino D. Archaeometric Provenance Study of Marbles from Porphyreon and Chhim (Lebanon) and Early Byzantine Production Specialization. *Archaeometry*, 2025, vol. 67, iss. 5, pp. 1129–1156.
27. Kahwagi-Janho H. Byzantine Marble Fragments Rediscovered in a Tyre Cistern. *Polish Archaeology in the Mediterranean*, 2023, vol. 32/1 (Marble in the Early Byzantine Eastern Mediterranean: Use, Aesthetics, and Social Significance), pp. 197–223.
28. Minchev A. A Lost Early Christian Rite in the Eastern Church: Terracotta Fonts for Consecrated Water from Moesia Secunda and Scythia. *Sacrum et profanum*. Poznan, Instytut Historii UAM, 2018, pp. 125–143. (Novae. Studies and Materials; VI).
29. Popescu E. *Inscripziile din secolele IV–XIII descoperite în România*. București, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1976. 438 p.
30. Poupaki E. Early Byzantine Marble Vases from Kos Island, Dodecanese, Greece. *En Sophia mathēteusantes: Essays in Byzantine Material Culture and Society in Honour of S. Kalopissi-Verti*. Oxford, Archaeopress Publishing Ltd, 2019, pp. 157–170.
31. Poupaki E. Early Byzantine Vases Carved in Prokonesian Marble from Ancient Halasarna (Kos Island, Dodecanese, Greece). *Polish Archaeology in the Mediterranean*, 2023, vol. 32/1 (Marble in the Early Byzantine Eastern Mediterranean: Use, Aesthetics, and Social Significance), pp. 9–30.
32. Tzitzibasi A. Marble Bowls for Everyday Use. *Museum of Byzantine Culture*, 2000, t. 7, pp. 18–29.
33. Yashayeva T. Die Katalogbeschreibungen. *Byzanz. Pracht und Alltag. Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, Bonn 26. Februar bis 13. Juni 2010: Katalog*. Bonn, Hirmer, 2010, Nr. 382, S. 306.
34. Poupaki E. *Kōanoi lithoi kai kōakē lithoxoia. Ė chrēsē tōn lithōn tēs Kō stēn architektonikē, glyptikē kai kataskeuē epitumbiōn, enepigraphōn mnēmeiōn kai technergōn. Archaikē – palaiochristianikē periodos. Ē sēmasia tēs gia tēn oikonomia tou nēsiou: didakt. diatribē* [Kos Stones and Kos Stone Carving. The Use of Kos Stones in Architecture, Sculpture and the Construction of Tombs, Inscribed Monuments and Artifacts. Archaic – Early Christian Period. Its Importance for the Island's Economy: PhD Thesis], vol. 3. Athens, 2011. 263 p. il., m., draw.
35. Poupaki E. Marmarina kai alla lithina aggeia apo tē Spartē [Marble and Other Stone Vases from Sparta]. *Ithens University Review of Archaeology*, 2019, t. 2, pp. 219–244.

Information About the Author

Vadim V. Maiko, Doctor of Sciences (History), Director, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika V.I. Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

Информация об авторе

Вадим Владиславович Майко, доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика В.И. Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>